

Андрей Посняков

«Мертвые земли»

Глава 1.

Стрела.

Вот вечер сладостный, всех преступлений друг,
Таясь, он близится, как сообщник; вокруг
Смыкает тихо ночь и завесы, и двери,
И люди, торопясь, становятся – как звери!

Шарль Бодлер

«Вечерние сумерки».

Выкрашенная в черный цвет стрела с зазубренным наконечником из угрюм-камня противно просвистела у самого уха. Элнар прижался к гриве коня, чувствуя, как, вонзившись в толстый ствол дуба, иссякло тяжелое зло камня. Угрюм-камень, да еще заговоренный на чью-нибудь кровь, вещь страшенькая, и это настоящее чудо, что пущенная кем-то стрела пролетела мимо, ведь он, Элнар, не успел произнести и самого простенького заклятья, не подумал даже. Значит, кто-то все же помогает ему, и этот "«кто-то»" явно не из простых альби, скорее – нисур, или даже – хотя и быть такого не может – рами?! Но все рами, как и белые воины-маги, давно уничтожены, чем никогда не упускали случая злорадно похвалиться нисуры – злобные колдуны, пришедшие в Уттар из далеких Мертвых земель. Впрочем, учитель Анит говорил, что они пришли из-за северных гор Амигар-Кули, другие вообще считали нисуров пришельцами из других миров. «Из-за Зелени», как они говорили. И что такое Зелень? Впрочем, неважно. Особенно сейчас – неважно.

Элнар пришпорил коня, сворачивая к холму – желто-красные деревья на вершине вспыхнули пожаром в лучах восходящего солнца, а в долине еще клубился туман - густой, осязаемо плотный и серый.

Снова пропели стрелы... И снова – мимо. Нет, беглецу явно кто-то ворожил. Элнар снова обернулся, с ужасом разглядев среди своих преследователей – приземистых коренастых альби – высокую фигуру нисура. Черный маг, один из тех, кто захватил власть в Уттаре, Гадее, и теперь присматривался к вольным городам на берегу далекого Восточного океана. Нисур опасен, даже один... Впрочем, кто знает степень его посвящения в колдовство? Похоже, она не так уж и высока, иначе б беглец – тоненький золотоволосый юноша, почти совсем мальчик – не ушел бы так далеко и валялся б уже в хлюпающей желтой грязи, с застрявшей между лопаток стрелой. Элнар посмотрел вперед – там, в холмах Эризана, можно было укрыться, переждать,

если знать тайные тропы. Элнар знал. И вполне мог уйти – верный конь совсем не чувствовал усталости. Пригнувшись, беглец на полном скаку влетел в густые заросли кленов, по-осеннему ярких, красивых, тянувшихся почти до самой пустыни. Проскочив узкой тропинкой, спустился с холма вниз, нырнув в покрытую туманом ложбину – уж здесь-то вряд ли его отыщут. Туман вполне может сковать заклатья нисура, особенно – средненького, каким, скорее всего, и был преследователь.

Гадер-Кхо – так, кажется, его звали, если беглец правильно запомнил имя. Гадер-Кхо явился вчера в замок, как являются многие, с небольшой свитой, якобы для сбора обычной дани. Дядюшка Рай усмехнулся в густые усы, но все же пустил нисура со свитой – попробовал бы не пустить... Элнар тогда даже не вышел к ужину, почувствовав что-то такое, чего сам не мог объяснить. Нет, нисур вел себя вполне прилично, улыбался, даже пытался шутить, хотя чувство юмора нисуров – особая тема – и лицо его, вытянутое, худое, с длинным, выдающимся вперед носом и узкой темной бородкой, вовсе не казалось зловещим. Дядюшка Рай успокоился, поддерживал беседу, потчует незваных гостей всем, что нашлось в замке – а мало что нашлось, уж такое было время, голодали не только одни крестьяне. В общем, все, вроде бы, было, как обычно, только...

Только в призрачном голубоватом свете ламп из глубоководных рыб Элнар видел висевший над головой нисура темный фиолетовый нимб – еле заметный, Гадер-Кхо умел прятать свои чувства, но Элнар-то видел – в голове мага шевелилось четкое, давно задуманное, зло. Впрочем, может, и показалось – искусственный свет тоже ведь был не очень-то реальным, колдовским, хоть рыбы и вырабатывали электричество, но – мертвые – светили не очень долго, и нужно было время от времени подзаряжать их заклатьем, легоньким, доступным самому обычному деревенскому старосте, но все же – заклатьем. А в тени одного заклатья можно было легко спрятать другое, как и поступал Гадер-Кхо.

Уходя в спальню, Элнар почувствовал на себе взгляд нисура – острый, пропитанный ненавистью. Но, может, это просто показалось? Что за дело черному магу до обычного сироты, воспитанника добрейшего дядюшки Рая? Таких, потерявших родителей, мальчишек, после войны появилось много, слишком много, и в Уттаре, и в соседней Гадее. Говорят, ими заинтересовались сборщики крови... Но Гадер-Кхо со своей свитой явно не были сборщиками. Тогда почему же нисур так пристально смотрел на Элнара? Эх, знать бы заклатья! Впрочем – откуда? Дядюшка Рай был обычным человеком, и, если что и знал, так обычные заговоры – остановить кровь, очистить воду и тому подобное, то, что ведали все, или почти все, исключая уж самых кондовых крестьян-деревенщин. Так что некому было обучать Элнара заклатьям, хотя, конечно, наука эта была бы отнюдь не лишней.

Пожав плечами, юноша стащил через голову рубашку, улегся на узкое ложе. Притушил взглядом светильник, по обычаю оставив чуть тлеть синим. Отвернулся к стене – холодной, покрытой потеками влаги, впрочем, парнишка давно привык к этому – незаметно уснул.

И проснулся в холодном поту среди ночи, явственно ощущая приближающееся Зло. Нет, никто не крался узкими коридорами, не лязгал вытаскиваемым из ножен кинжалом. Все было проще – Элнар вдруг сильно захотел встать немедленно поехать с нисуром, так сильно, что...

Что сразу сообразил – Гадер-Кхо приехал в замок за ним. Иначе б не колдовал таким образом. Но – зачем нисуру нищий мальчишка? Вполне обычный, каких много. Или – не вполне обычный? Ведь золотистые волосы – признак рами. И покойные – вернее всего, скорее всего – убитые – родители Элнара, вероятно, были рами. Может, в этом все дело? Коварные нисуры просто решил разделаться со всеми потомками бывших властелинов Уттара, давно утративших все способности к магии? Что и погубило Уттар... и не только один Уттар.

Элнар не стал гадать - слишком уж сильно чуял опасность. Накинув на рубаху плащ, выскользнул черным ходом в конюшню, осторожно погладил по холке всхрапнувшего уж было коня, оседлал и, бесшумно отворив ворота – они всегда скрипели, а сейчас вот, почему-то, не скрипнули – рысью помчался прочь, куда глядели глаза, лишь бы подальше от замка. Что-то погнало беглеца на юг, к далеким холмам Эризана, поросшим краснолистными кленами и густой голубовато-синей травой, пахнувшей мятой и клевером. Почему именно туда? Элнар не смог бы сказать, просто знал – именно там и можно найти укрытие. И скакал, подгоняя коня высокой, в рост человека, травой, мокрой от росы.

Замок дядюшки Рая – вообще-то «замок» – слишком уж громкое название для полуразрушенного строения – не успел еще скрыться из вида, когда беглец, оглянувшись, узрел погоню. Да, предчувствия не обманули Элнара – нисур приехал за ним. И теперь вот, кажется, никогда уже не найдет...

Тяжело дыша, юноша спешился, погладил по гриве коня, прислушался – преследователей не было слышно, а стоявший в лощине туман надежно скрывал беглеца от чужих взглядов. Только вот, скроет ли от взгляда нисура? Да нет, кажется, пронесло.

Точно – пронесло! Погоня удалилась куда-то к востоку, видно, Гадер-Кхо и вправду был совсем никудышным магом. Чуть улыбнувшись, Элнар перевел дух – он точно знал, куда теперь нужно идти, словно бы что-то, или – кто-то – звало его, и даже мысли не возникло вернуться в замок, хотя, конечно, и нужно б было отблагодарить дядюшку Рая за все. Если тот еще жив.

Жив! Элнар знал точно – жив. Но вот, нуждается ли в благодарности? Ведь неспроста в замке появился нисур со своей свитой. Гадер-Кхо, слабенький маг...

Юноша усмехнулся и вздрогнул, бросив вперед опасливый взгляд. Что-то неладное творилось с туманом, он разбухал, словно походившее тесто, становился прозрачным, похожим на ягодный кисель, нет - на копну сена... на огромную копну сена... И даже – на чье-то лицо! Узкая борода, вытянутый нос, запавшие, как у всех нисуров, глаза, родинка в виде креста над верхней губой... Гадер-Кхо!!!

- Напрасно ты хотел скрыться от меня, малыш! – зловеще улыбаясь, захохотал маг – казалось, это хохочет само небо. В черных глазах нисура вдруг вспыхнула молния, поразившая беглеца прямо в сердце. В низком, покрытом дождевыми облаками небе, подрагивал крыльями коршун, черный, как души нисуров.

Дикая нелюдская боль пронзила все тело Элнара, юноша страшно закричал... и проснулся, чувствуя, как стекают по лбу крупные капли пота.

Он сидел на сбитой потели – серенькое застиранное белье, пружинная койка – и, широко распахнув глаза, вертел головой. Опять этот сон! Все тот же сон...

Вокруг, в длинной узкой комнате с низеньким потолком и выкрашенными зеленой масляной краской стенами, на таких же скрипучих койках, спали

мальчишки – ровесники Элнара, и помладше, а за окном, на подоконнике, как раз напротив койки Элнара, нахохлившись, сидела страшная черная птица. Коршун.

- Двадцать одно! – коренастый мужчина с неприметным, обычным лицом, плохо выбритым и землистым, с усмешкой бросил карты на заляпанный пролитым пивом стол.

- Везет тебе, Николай, - его напарник – неопрятный испитый мужичонка, еще не полный алкоголик, но уже близко к тому – покачал головой и завистливо рассмеялся. – Моя очередь банковать.

Николай потянулся к пивной бутылке, допил остатки дешевого крепкого пива.

Ему и в самом деле сегодня везло.

- Проиграл - с получки отдам, - кивнул головой мужичок. – Ты меня знаешь.

- Знаю, Силыч, - усмехнулся Николай. – Потому и не верю.

- Да ты че, Колян? – Силыч привстало было, но напарник быстро толкнул его кулаком в грудь, сиди, мол, и не вякай.

- Л-а-адно, - Силыч обиженно махнул рукой. – Отдам ведь все равно.

- Куда ты, на фиг, денешься?!

- О! – Силыч вдруг насторожился. – Вроде как, кричал кто-то? Схожу-ка я в сторожку, мало ли. Михаловна предупреждала: сопрут доски – погонит с работы. И ведь выгонит же! А куда потом идти?

- Да уж, - тяжело кивнул Николай и пристально посмотрел на собеседника. – А мне б несколько досочек сгодились, сарай перекрыть.

Округлив глаза, сторож испуганно замахал руками:

- Что ты, что ты, Никола! Тебе-то что – ты воспитатель, а мне? Выгонит Михаловна, точно выгонит.

- Да не выгонит, - землистое лицо Николая вдруг озарилось улыбкой. – Мы вот что с тобой сделаем, на них свалим! – он кивнул вверх, на второй этаж, где находились спальни.

- Да уж, - невесело рассмеялся Силыч. – Эти-то придурки? Поверит Михаловна, как же!

- Там не все придурки, - вскользь заметил Николай. – И Михайловна про то знает лучше, чем мы с тобой. Помнишь, Эд у нее тачку чуть не угнал?

Проводив взглядом ушедшего в сторожку напарника, он задумался, закулив «беломорину». Оно, конечно, да - о проделках – если так можно выразиться – Елены Михайловны Барабаш, директора интерната для детей с задержками психического развития (сокращенно – ЗПР) или, проще говоря – олигофренов – он, старший воспитатель того же учреждения, Николай Петрович Зубов, мог бы поведать немало. И о банальном воровстве всего, что попадется под руку – продуктов, краски, стройматериалов, и об использовании труда подопечных в личном подсобном хозяйстве, и о поставках девочек (да и мальчиков) частенько приезжавшим из города озабоченным дядечкам, и еще кое о чем подобном. Ну, махинации с квартирами – само собой. Некоторые из несчастных детей являлись наследниками, им бы квартиры и достались, если б не уговаривала их Михайловна уйти со временем не в настоящую жизнь – страшную и непонятную, а в такой же интернат, только для взрослых, где так хорошо, уютно, привычно. А квартирки, что ж... раз наследник невменяемый, да на попечении государства...

Приятные открывались комбинации, Зубов и сам бы был не прочь к ним присосаться, да только не доверяла ему пока Михайловна – «Михаловна», как ее все здесь называли – слишком уж мало еще работал. И года не прошло, как откинулся Николай с зоны, где мотал срок за кражу. Вернулся в родную деревню, где был на него записан старый, дедовский еще, дом, погулеванил малость, осмотрелся, да и подался на работу в интернат, как многие деревенские делали – почти все, кто не спился еще до конца, да не перебрался в город. Михайловна – женщина властная, дебелая, в теле – его оценила сразу. Не смотри, что скоро пятьдесят, а до мужиков жадная! Впрочем, себя поставить умела – любовники по струнке ходили, не смея пикнуть, да и как иначе-то? Все деревенские, а в деревне, кормившейся от интерната, директор – опора, надежда и власть, почище, чем у какого-нибудь там депутата или старосты. Вот и Николай не стал зря зубы щерить – присматривался пока.

А доски-то на сарай нужны бы! Немного, штук пять-шесть. Зря этот пентюх, Силыч, упирается.

А «пентюх Силыч» в это время, придя к себе в сторожку – маленькую, у самых ворот, будочку, смахивавшую на собачью – оглянулся по сторонам, и, вытащив из нычки под лавкой початую бутылку водки, сладостно припал к горлышку. Острый кадык заходил на тощей шее, сделав несколько глотков, сторож пожевал укропа и аккуратно убрал бутылку обратно под лавку. А Николай-то и не догадывался, чего это Силыч от пива так быстро пьянеет! Сторож довольно ухмыльнулся. Узнала б Михаловна – выгнала б в раз, потому и опасался Силыч, и ее, и воспитателей, особенно Зубова, да того и все остальные сотрудники побаивались, не говоря уж о подопечных – тех Николай строил, да так, что никому мало не казалось. За малейшую провинность – бил палкой в кочегарке, мог и в подвал запереть, да и что похуже сделать. Потому и тишина в его дежурство была и порядок, за что и ценила Михайловна, не только за постельные подвиги.

Спрятав водку, Силыч выглянул в окно – показалось вдруг, будто за воротами кто-то ходил. Сторож открыл дверь, высунулся – ну да, за воротами метнулась к кустам чья-то черная тень. Ну вот, как же! Наверняка, кто-то из деревенских прослышал про доски и вот, хотел уже поживиться, сволочуга такая!

Выйдя из сторожки, Силыч тщательно осмотрел штабель – вчера ведь только и привезли доски, перестелить полы, ну, часть уже сразу к Михаловне в дом пошла, а часть – вот они, хорошие доски, крепкие.

Тоже самое думал и Зубов. Поднявшись на второй этаж, прошелся по коридору. Подумал было разбудить Верку, девчонку из старших, поболтали бы, да пожимкались малость, потом как-то позабыл про нее – услышал из мальчишечьей спальни какие-то приглушенные крики.

Николай замер у двери, прислушался... Так и есть, стонал кто-то! Недобро прищурившись, Зубов вытащил из брюк ремень – ужо, получите, твари. Так, для порядка. Сказано, всем ночью спать – значит спать, а не орать. Да не скрипеть зубами.

Бесшумно открыв дверь, Николай, сжимая в правой руке ремень, заглянул в спальню и прислушался

Услышав стон, Зубов тигром ринулся к койке, стоявшей у самого подоконника, замахнулся... И, скрипнув зубами, пустил приготовленный было ремень. Стонал

новичок, Эдик, которого должны еще были осматривать всякие комиссии и психиатр – потому Михаловна строго-настрого всех предупредила – не трогать. Пока...

Ну, не трогать, так не трогать. Зубов пожал плечами. Так всегда бывало с новичками - поначалу не трогали, ну а потом... Николай ухмыльнулся. Станный он парень, этот Эдик. Молчун, и явно не похож на олигофрена, хотя, конечно, уже тоже с диагнозом – наверное, в обычном интернате чего натворил, вот они его сюда и списали, сволочи, загубили жизнь парню. Впрочем, сколько их тут таких, загубленных?

Воспитатель вдруг потянул носом воздух. Вот козлы! Опять обоссался кто-то! Поигрывая ремнем, Зубов направился в угол – именно оттуда явственно тянул запах – неужели, Димуля? Ну, козленок, попал... Наклонившись над кроватью мальчишки, Николай принялся. Нет! Не Димуля... Ха! Шога, увалень толстый! Не иначе, как насосался вчера пива, недаром вместе с Грилей целый день у ворот крутились. А, может, их и Афанасьич, завхоз, угостил, он любит иногда полиберальничать, прикинуться этаким добрячком.

Ну, Шога, погоди! Впрочем... Николай снова опустил поднятый было ремень, и, быстро разбудив Шогу и его дружка, Грюлю, приказал обоим спуститься во двор. Силыч как раз стоял у досок. Что ж, тем лучше...

- Ну, обоссанцы! – выйдя во двор, грозно рявкнул на подопечных Зубов. – Счас получите дрына.

- Меня-то за что, дядя Коля? – жалобно заверещал Гриля – здоровенный малый, на голову выше самого Николая. – Это ведь этот все, гад... - он нехорошо покосился на глупо хлопавшего глазами Шогу.

- Молчи, - прикрикнул на него Зубов. – Вот что, парни... - он осмотрелся вокруг – едва рассветало, и небо, хоть и окрасилось уже на горизонте малиновым, однако в массе своей все еще оставалось темным, ночным. Мелко накрапывал дождик. Николай поежился, подмигнув Силычу, потом снова обернулся к парням:

- Видите доски?

Оба олигофрена кивнули. Шога – точно олиго, но вот Гриля... Имелись у Николая на этот счет большие сомнения.

- Дядя Коля, а Шоге-то аппендицит недавно вырезали, - тут же высказал Гриля вполне разумную мысль. И в самом деле... Как Зубов мог забыть? Ну его на хрен, этого Шогу, еще случится чего – доски-то не легонькие, массивные. Самому что ли нести, в паре с Грилей? Ну, вот еще – дураков что ль в интернате мало?

- Вот что, Шога, иди спи, да позови кого-нибудь, хоть того же Димулю.

Гриля скептически посмотрел на доски, обернулся:

- Димуля не сможет, дядя Коля- маловат еще. Лучше другого кого - хоть новенького.

- Новенького? – Николай почесал затылок. А и в самом деле – больше-то некого, остальные все – мал-мала меньше, не сильнее Димули. – Ну, черт с вами, зовите новенького.

Обрадованный Шога быстро побежал в палату и принялся будить новичка.

- Эй, вставай, дядя Коля зовет!

- Какой еще дядя Коля?

Элнар – Эд – Эдик – спросонья покачал головой, золотистые волосы его растрепались, чуть смугловатое лицо выглядело таким утомленным, словно Эд и не спал вовсе, не лежал на пружинной койке, а... а скакал куда-то, спасаясь неведомо от кого. Бесшумно взмахнув крыльями, взмыла с подоконника в небо хищная черная птица

Несколько раз тряхнув головою, новичок откинул в сторону одеяло, оделся и, зевнув, покинул палату. Шога посмотрел ему вслед, подошел к своему углу – шмонило! – вздохнул, и, вдруг хитро улыбнувшись, направился к освободившейся койке новичка, недолго думая, повалился в нее, и тут же уснул, блаженно похрапывая.

Черный коршун, недолго покружив в небе, вдруг, встав на крыло, круто повалился в ольховые заросли, что тянулись по всему периметру интерната. Словно спикировал на добычу, или... или просто позвал его кто-то?

Гриля и новенький, Эд, примостили на плечах тяжелую доску и, пройдя в ворота, свернули к деревне. Впереди, показывая путь, шагал Зубов, ведя ребят обходным путем, лесом, что б ненароком не попасться на глаза директору. Хотя и рано еще – Николай скосил глаза на часы – пять утра – да всякое случается, вдруг бессонница у Михайловны? Увидит – не обрадуешься, а так... Всего-то шесть досочек – в штабеле и не заметит никто.

Вот уже остался далеко позади интернат, показалась речка с темной прохладной водою, луг с высокой некошеной – некому косить-то! – травой, околица. На чьем-то дворе забрехал пес. Зубов прислушался, потом махнул ребятам рукой – несите.

Первый луч солнца – ярко-оранжевый, и словно бы какой-то звонкий, вырвался вдруг из-за синих туч, взметнулся в небо, и снова погас, осветив на миг кружившую над интернатом черную птицу. В когтях птица держала тяжелую стрелу с зазубренным наконечником из угрюм-камня.

Сгрузив, наконец, все шесть досок на подворье Зубова, Гриля и Эд вопросительно уставились на воспитателя.

- Все, дядя Коля?

- Все.

Николай усмехнулся, и, подойдя ближе, вдруг резко сграбастал за грудки обоих.

- Вот что, парни, - оглядываясь, зло прошептал он. – Сами понимаете, ежели прознает кто... кочегарка вам раем покажется!

- Да не узнает никто, дядя Коля!

- Смотрите у меня! Ну, что встали – идите, спите. Утро уже скоро.

- Дядя Коля...

- Чего еще?

- Это... Папиросочку бы...

- На! – широким, подсмотренным в каком-то фильме, жестом, Зубов швырнул Гриле почти пустую уже пачку «Беломора». - В палате только дымить не вздумайте.

- Не-а, не будем! – довольно ухмыльнулся Гриля.

Отказавшись от курева, Эд отправился сразу в палату. Осторожно, что б никого не разбудить, открыл дверь, подошел к своей койке... Оба-на! А место-то занято.

- Эй, – Эд протянул руку к лежащему и обмер!

На его койке, лицом вверх лежал Шога, уставившись в потолок мертвым взглядом остекленевших широко распахнутых глаз. Прямо в сердце его торчала длинная черная стрела. Эд в ужасе перевел взгляд на раскрытую форточку... Но, каким же образом? И как...

Он снова посмотрел на стрелу – та шевелилась, исходя сизым дымом, истончалась, словно бы таяла... Пока не растаяла совсем. И не было больше никакой стрелы, не было черной птицы в затянутом дождевыми облаками небе, остался лишь один мертвый Шога, никому ненужный олигофрен, воспитанник закрытого интерната.

Постояв немного над мертвым телом, Эд бросил вниз, к воспитателю.

Глава 2. Посланец.

Ворон-скиталец, взгляни!
Где гнездо твое старое?
Всюду сливы в цвету.
Басе.

Эд застегнул рубашку, искоса посмотрев на врачей. Тех было трое – терапевт, невропатолог и психиатр, переглянувшись, они выпроводили подростка из медкабинета, выпроводили быстро, и сразу же оживились, словно, наконец-таки, настало теперь главное – то, ради чего, собственно, они сюда и приехали.

- Прошу к столу, уважаемые! – возникшая в дверях директорша прямо лучилась гостеприимством, а иного врачи от нее и не ожидали, давно уж знали друг дружку, как облупленные, спаянные не то чтоб взаимоуважением, а какой-то взаимопользностью, что ли.

За столом – присутствовали четверо, эдакий междусобойчик, трое врачей и директорша – расслабились после третьей стопки, разговорились, все больше так, ни о чем: немного о погоде – «дожди, право, задолбали совсем!», немного о политике – «ну, подбросили участковым терапевтам денег, и что? остальные-то как?», плавно перешли на работу.

- И давно у вас этот парень? – подцепив вилкой политый майонезом огурец, поинтересовался психиатр – толстый, усатый, больше походивший на какого-нибудь вахмистра, этакого держиморду - однако, надо сказать, дело свое знал.

- Да месяц всего, - махнула рукой директорша. – Детский дом от него избавился – не помнит, говорят, ничего, значит – ваш, олиго. А он у них, между прочим, грузовик угнал, говорит – управлять учился, интересно. Интересно ему!

- Не похож он на олиго, - задумчиво протянул психиатр. – Даже и легкой стадии нет, уж ты мне поверь, Михайловна.

Михайловна усмехнулась. Вспомнила, как этот самый скромник Эдуард чуть было не уехал из интерната на ее «логане», беспечно оставленном с воткнутом в катушку зажигания ключом.

- Так я и говорю, отделались от него. Полная амнезия – мало ли что выкинуть может?
- Странный парнишка, - кивнул терапевт, неуклюжий, тощий, в очках с толстыми линзами. – Кстати, амнезия у него не такая уж и полная – «тут помню, тут не помню», - он довольно похоже изобразил Леонова в фильме «Джентльмены удачи». – По крайней мере, детский дом он помнит отлично.
- Зато все, что было раньше...
- Что ж, разные могут быть причины.
- По голове его не ударили, точно.
- А загар, господа, загар! Где он ухитрился так загореть, ровно, будто в солярии? Июнь-то то дождливым выдался, солнечных-то деньков и не было почти совсем. Директорша усмехнулась:
- В детском доме уж точно соляриев нет.
- Да, странный парень, - подвел итог психиатр. – Что ж, как говорить – «будем иногда посмотреть»!
- Да уж, заходите, - улыбнулась Михайловна, сожалея в душе – ну, кому нужны лишние хлопоты?

А парень этот... Ох, не зря детский дом от него избавился. А, может, отпихнуть его им обратно? Все же не debil, чего держать-то? Или... Нет, пожалуй лучше поддержать немного, хотя б до осени, а уж там видно будет. Может, и документы какие-нибудь найдутся, или прояснится что – квартира, к примеру, обломится. Да и комитет по образованию лишний раз злить не нужно, не тот случай. Спасибо хоть смерть Шугаева списали, особо не ковыряясь. Обширный инфаркт... Это у шестнадцатилетнего-то подростка! Да уж, неисповедимы дела твои, Господи!

Завхоз Иван Афанасьевич Булочкин, в просторечии – Афанасьич – и не скрывал, что вполне доволен жизнью, хотя, другие на его месте вряд ли б взирали на мир столь радостно. Ну, подумать только – работает черт-те где, из города приходится каждый день ездить на старой потрепанной «Ладе», да и вообще – не солидно. На первый взгляд не солидно. На само же деле давно смекнул Афанасьич, что интернат этот – самое настоящее золотое дно для понимающего человека, особенно, если не зарываться и не конфликтовать с начальством. Он и не конфликтовал, наоборот даже – не было для Михайловны нужнее и приятней завхоза, тут как раз был такой случай, когда рука руку моет, истинный симбиоз. Спонсорская помощь, губернаторские средства, деньги различных фондов – все можно было, при определенной ловкости, вполне успешно освоить, чем, в общем, и занимались вместе с директоршей, а Афанасьич к тому ж не брезговал никакой мелочью: надо кому из деревенских огород прополоть – только скажи, пошлем подопечных, а уж об оплате всегда договориться можно, чай, не звери – самогона литрушечка, и та пойдет, все в хозяйстве сгодится, не для собственного потребления, так, опять же, с кем-нибудь расплатиться. Потому и уважали завхоза в деревне, хоть и называли за глаза жучилой, знали – если что, к нему обращаться, уж не тревожить же директора по всякой мелочи. Михаловна, кстати, о мелких гешефтах своего сотрудника была в курсе, но не препятствовала – пусть его, тешиться, лишь бы в крупных делах не косячил. А крупные дела бывали, вот, к примеру – международное усыновление – тоже золотое дно, абсолютно безо всякого преувеличения. Кстати, как раз сейчас и должен был объявиться один такой

клиент, давно уже общавшийся с Михаловной через интернет. Американец итальянского происхождения, мистер Джозеф Чинетти, положивший, посредством фотографии, определенный взгляд на некоего Димулю, из младших, существо, не смотря на юный возраст, напрочь порочное.

Жаль, конечно, что – а к тому все идет - уедет Димуля в Штаты к доброму дяде, ну да, ведь не за просто так уедет, правда, большая часть Михаловне достанется, так тому завидовать нечего, она ж директор все-таки, понимать надо!

Завхоз выжал сцепление и, проехав очередную колдобину, перекинул рычаг на третью – та еще была дорожка. А ведь, честно-то говоря, давно подмывал Афанасьич сменить машиненку, подумывал, да не торопился: и скопидомничал – ездит ведь! – и привлекать внимание опасался, больно уж соседи по дому попались ушлые. Ничего, еще немного – и хватит на собственный домик с гаражом и садом, а уж опосля...

Завхоз аж глаза прикрыл от радужных своих мечтаний, кои – была такая уверенность! – скоро, совсем скоро, станут настоящей явью. Хоть под старость пожить по-человечески. Несмотря на шестой десяток, выглядел Афанасьич вполне моложаво, благообразно даже – среднего роста, подтянутый, с седыми, тщательно подстриженными, усиками и небольшой лысиной. Под глазами, конечно, морщинки – чего уж скрывать? – но небольшие, не сразу и заметные. В общем, пожить еще можно было.

Проскочив на мигающий зеленый, завхоз подъехал к вокзальной площади – как раз успел к подошедшему поезду - остановил машину рядом с таксистами-частниками, те покосились нехорошо – конкурент, что ли, мать его за ногу? - Друга встречаю, - вальяжно вылезая из салона, счел необходимым пояснить Афанасьич. – А, вот и он, кажется...

На перроне, словно аршин проглотил, возвышался над хлынувшими от поезда пассажирами высокий сутулый человек – худой, черноволосый, с длинным, выступающим вперед носом и глубоко запавшими глазами, одетый вполне небрежно – в короткие серые брюки, открывающие носки, такой же пиджачок, рубашечку в клетку, ну с виду – типичный «совок» – правда, рожа... Во сне увидишь – вскрикнешь. Ну, на вид-то, «совок», однако у Афанасьича глаз был наметан, завхоз сразу сообразил – сутулый в этой толпе чужой, иностранец. Постоял немного, подождал, когда схлынет народ, подошел ближе:

- Мистер Чинетти?

Сутулый вздрогнул, но тут же заулыбался, кивнул:

- Да, да, Чинетти. А вы из интерната?

По-русски он говорил неплохо, с небольшим таким, слегка неприятным акцентом, словно бы подпрыгивал в конце фразы. Интересно, хватит ли у него денег? Должно быть, хватит, раз приехал...

- Прошу! – Афанасьич гостеприимно кивнул на авто. - Поехали...

В дороге – а до деревни, до интерната было километров тридцать – иностранец оказался словоохотлив, правда, о себе не говорил, все больше расспрашивал. Про интернат, про воспитанников, про деревню. Завхоз терпеливо отвечал на все вопросы, недоумевая – чего ж про Димулю не спросит? За ним ведь и приехал вроде... О, вот, спросил, наконец. Но как-то не особо заинтересованно, мельком, словно бы и не нужен был ему этот мальчишка, так просто приехал, прокатиться-развяться. Впрочем, среди иностранцев всяких чудиков хватало. Может, специально не расспрашивает о том, о ком надо, кто его знает?